

И. Д. Копцев
К СУБЪЕКТНО-РЕЧЕВОЙ
СТРУКТУРЕ
АКСИОЛОГИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА И. КАНТА

Основным отличием аксиологического дискурса Канта от дискурса когнитивной направленности в том, что в нем значительно возрастает удельный вес личных местоимений, выступающих именами различных речевых ролей автора текста. Это текст с гораздо большей степенью выраженности фактора адресата, что обуславливает появление таких речевых актов, которые не представлены в текстах Канта когнитивной тематики. Важным отличием является также ярко выраженная императивная модальность этого типа текста Канта.

The major difference between Kant's axiological and cognitive discourse is that the former contains a greater number of persona pronouns that signify different speech roles of the author. This text is characterised by a more direct expression of the addressee factor, which explains the emergence of the speech acts that are absent in Kant's cognitive texts. Another substantial difference is the explicit imperative modality of this type of Kant's texts.

Ключевые слова: Кант, дискурс, речевой акт, аксиологический, модальность, адресат.

Key words: Kant, discourse, speech act, axiological, modality, addressee.

Своеобразие аксиологического дискурса, отличающее его от дискурса когнитивной направленности Канта, состоит в том, что первый направлен на описание мира не таким, каков он есть, а таким, каким он может и должен быть, т.е. это текст с прескриптивной (предписывающей) модальностью. Отсюда преобладание в нем не связки «есть» или «не есть», а связки «должно» или «не должно». Другими словами, данный текст не с идентифицирующей предмет рассуждения функцией, а с функцией его оценки. Следовательно, это различие прежде всего функциональное. Дело в том, что, как говорит Дж. Мур, даже самый полный перечень идентифицирующих свойств объекта не снимает вопроса об установлении его ценности. Итак, аксиологический дискурс Канта отличается от когнитивного дискурса в следующих релевантных пунктах:

1) его коммуникативная установка направлена не на описание мира, а на его оценку;

2) мир описывается не таким, каков он есть, а таким, каким он может и должен быть;

3) это текст с прескриптивной, предписывающей модальностью (нравственные императивы, этические нормы и правила поведения, нравственные максимы и т.д.);

4) его аргументация специфична: она направлена не на доказательство истинности тех или иных положений об объективном мире, а на обоснование необходимости существования морально-этических ценностей и оправдание необходимости для человека следовать своему долгу;

5) этот текст отвечает не столько на вопрос «Почему?», сколько на вопрос «Зачем?» или «Для чего?». Иными словами, на вопрос не о сущности мира, а о смысле существования человека в нем.

Аксиологический дискурс, по справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, насыщен оценочными предикатами и вообще лексикой с оценочной коннотацией [1, с. 145]. Его семантика

нуждается в дальнейшей разработке и аргументации, т.е. имеет векторную направленность вперед. Логико-композиционное построение аксиологического дискурса Канта основано также на принципе каузальности, который состоит в том, что в начале рассуждения выдвигается ключевое положение, представляющее собой с логической точки зрения следствие, а затем происходит разработка основания или оснований, согласно которым указанное следствие произведено как имеющее объективную значимость.

Одной из основных особенностей аксиологического дискурса Канта является то, что в нем идентифицирующие и оценочные речевые акты выступают параллельно, перемежаясь друг с другом и сохраняя вместе с тем относительную самостоятельность. Это можно хорошо проследить на примере дескрипций с идентифицирующей и оценочной (характеризующей) функцией в трактате Канта

«Основы метафизики нравственности» (1785), в котором философ, по его собственным словам, ставит своей задачей выявить и сформулировать самый высший принцип моральности, лежащий в основе всех других принципов нравственно-этического поведения. Разумеется, этот принцип у Канта является принципом априорным.

Начальный пассаж текста данного трактата содержит речевые акты с референцией к объекту, т.е. он начинается с объектно-направленной (дескриптивной) речи, так как для того, чтобы рассуждать о чем-либо, необходимо, чтобы это нечто существовало объективно или в мышлении, в нашем случае – в нравственном мышлении человечества. Первый раздел трактата начинается комплексным речевым актом, содержащим утверждение о существовании понятия доброй воли и его характеристики (оценки):

1. (1) Не существует ничего мыслимого в мире и даже, более того, за его пределами, (2) что без всякого ограничения могло бы рассматриваться как благо, кроме единственно д о б р о й в о л и¹ [2, S. 18].

Этот ключевой для всего трактата речевой акт состоит из двух частей: утверждения существования предмета рассуждения, т.е. понятия доброй воли (1) и его оценки (2). Дальнейший текст представляет собой развитие и разработку понятия доброй воли в дескриптивном (идентифицирующем, референциальном) и оценочном (аксиологическом) аспектах. При этом происходит функциональное раздвоение дескрипции «добрая воля» (*ein guter Wille*) на две – идентифицирующую и оценочную. Первая проходит этап тематизации, что формально выражается в оформлении ее в дальнейшем определенным артиклем или указательным местоимением (*ein guter Wille* – *diesem* guten Willen – *der* gute Wille и т.д.), а вторая продолжает употребляться в тексте с неопределенным артиклем, получая по ходу рассуждения новые оценочные предикаты и предикативные формулировки с оценочной семантикой (*ein guter Wille* – *eines reinen und guten Willens* – *eines... an sich selbst guten Willens* – *eines an sich selbst hochschätzenden und ohne weitere Absicht guten Willens* – *so wie er schon dem natürlichen gesunden Verstande beiwohnt und nicht sowohl gelehrt als vielmehr nur aufgeklärt zu werden bedarf...*).

Весь текст данного трактата в дальнейшем строится на противопоставлении этих двух модусов речи – *дескриптивного*, описывающего существующее положение дел, и *оценочного (аксиологического)*, показывающего, при каком условии данное положение дел может измениться в отрицательную или положительную сторону, если под него будет или не будет подведен надлежащий нравственный фундамент. Например:

2. (1) Ум, остроумие, рассудительность и другие подобные таланты или мужество, решительность, упорство в достижении цели как проявления темперамента, без сомнения, в определенном отношении хороши и желательны, (2) но они могут обернуться чрезвычайным злом и принести вред, если воля, использующая эти природные дарования, своеобразные свойства которых называются поэтому характером, будет лишена качества доброты [2, S. 18].

Или:

3. (1) Некоторые свойства его [характера] могут даже способствовать этой доброй воле и облегчить ей ее задачу, (2) но несмотря на это, они не обладают внутренней безусловной ценностью, а предполагают всегда еще и наличие д о б р о й в о л и, которая... [2, S. 18].

В приведенных примерах речевые акты в пунктах (1) имеют референцию к существующему положению дел, а в пунктах (2) – к понятию доброй воли как условию их объективной нравственной значимости.

Дальнейшее развитие объектно-направленному (дескриптивному) дискурсу обеспечивает переход к понятию долга, содержащему в себе, по Канту, понятие доброй воли, так что понятие доброй воли обсуждается далее под именем «долг» (*Pflicht*).

Речевые акты, конституирующие объектно-направленную (дескриптивную) речь, разнообразны; в частности, довольно большое место в них занимают акты с дефинирующей, т.е. содержащей определение, функцией, например:

4. Представление об объективном принципе постольку, поскольку он понуждает волю, называется заповедью (разума), а формула заповеди называется и м п е р а т и в о м [2, S. 41].

Объектно-направленная речь (т.е. дескриптивный дискурс) обладает той особенностью, что за ней в имплицитной форме стоит автор как носитель своей теории, присутствие которого тотчас обнаруживается, как только возникает необходимость внести те или иные корректировки в ход рассуждения, например:

5. (1) Вместе с тем в этой идее абсолютной ценности чистой воли, не имея в виду извлечения какой-либо выгоды из ее восхваления, присутствует нечто столь необычное, что, несмотря на полное согласие с ней даже обыденного разума, может все же возникнуть подозрение, не скрывается ли за ней втайне, быть может, какая-либо неумная фантазия и тем самым цель природы, придавшей нашей воле разум в качестве повелителя, может быть неправильно понята. (2) Поэтому *мы* попытаемся проверить ее и с этой точки зрения² [2, S. 19f.].

¹ Примеры в данной статье даются в нашем переводе, так как существующие переводы не всегда устраивают автора и порой неверны. Для экономии места примеры даются в сокращении. – И.К.

² Выделение здесь и в дальнейшем наше. – И.К.

Автор текста, учитывая факт присутствия адресата и его мнимого участия в рассуждении, пытается устранить возможные со стороны адресата возражения или неясности, могущие у него как оппонента возникнуть, появляется на «арене» дискурса под эксклюзивным, т.е. исключаящим адресата, именем «мы» (см. пункт 2), ориентируя его относительно хода дальнейшего рассуждения.

Выступление автора как носителя своей этической теории на передний план дискурса предваряется обычно обоснованием необходимости этого, что мы и наблюдаем в пункте (1).

Так как адресат не только участвует в теоретическом рассуждении, следя за ходом рассуждения говорящего (автора) и оппонировав ему, так как он сам является носителем опыта (опытного знания), то автор текста часто оформляет свою речь от инклюзивного «мы», включая как бы себя в сферу адресата, чтобы заручиться его поддержкой в процессе аргументации. Рассмотрим следующий пример:

6. Среди природных задатков организованного, т.е. целесообразно устроенного к жизни, существа *мы* принимаем в качестве основного положение о том, что в нем не может встретиться ни одного орудия (Werkzeug), предназначенного для достижения какой-либо цели, которое не было бы максимально пригодным для этого и более всего этому соответствовало [2, S. 20].

Или:

7. И действительно, *мы* находим, что чем более культивированный разум нацелен на получение наслаждения от жизни и достижение счастья, тем все дальше человек отходит от истинного удовлетворения... [2, S. 20f.].

Употребляя в данном случае форму «мы», Кант как эмпирический субъект апеллирует к своему жизненному опыту и опыту читателя, расширяя тем самым фактическую базу аргументации своих положений и усиливая их объективную достоверность и всеобщую значимость. Поэтому форма «мы» используется часто в речевых актах с функцией обоснования или аргументации. Например:

8. (1) Но в данном случае разум переступил бы все свои границы, если бы он дерзнул объяснить себе, как он может стать практическим, что было бы равносильно задаче выяснить, как возможна свобода <...>

(2) Ибо *мы* не можем объяснить ничего другого, как только то, что *мы* можем вывести из законов, предмет которых может быть дан только в каком-либо возможном опыте [2, S. 96].

Как следует из примера, приведенного выше, речевой акт обоснования в (2) оформляется от инклюзивного (всеобщего) субъекта «мы», к которому Кант как субъект эмпирического мышления относит и себя.

Однако речевые акты с функцией проспекции или ретроспекции оформляются, как правило, от эксклюзивного «мы-субъекта», так как они производятся автором как носителем своей теории и организатором своего дискурса, например:

9. Вот теперь подозрение, которое *мы* отметили выше, в том, что в *нашем* заключении содержится в скрытой форме логический круг, выводя из свободы автономии [воли], а из последней нравственный закон, снято... [2, S. 89].

Из данного примера ясно, что под именем «мы» выступает сам автор как носитель теории, подводя итог предыдущему рассуждению.

Если же возникает необходимость пояснения каких-либо моментов рассуждения или замечаний, то эти речевые акты оформляются именем «я», под которым Кант выступает сам как автор, комментатор своей теории и организатор дискурса. Например:

10. Итак, намереваясь предоставить в свое время метафизику нравов, *я* хочу предпослать ей этот очерк <...>.

Именно поэтому *я* использовал вместо заглавия «Критика чистого практического разума» заглавие «Основы метафизики нравов [2, S. 15f.].

Далее следует обычно обоснование, почему автор поступает таким образом. Речевые акты, подобные приведенным выше, выполняют, как правило, регулятивную, поясняющую (вводную) функцию. Они не предполагают участия адресата, а являются прерогативой автора как носителя своей теории и организатора своего текста.

Это же следует отнести и к актам речи с дефинитивной функцией, так как они выражают личную теоретическую позицию автора, например:

11. Под понятием практического разума *я* понимаю представление объекта как возможного продукта (результата) свободы [3, S. 174].

К имени «я» имеют референцию также речевые акты, преследующие цель подчеркнуть точку зрения автора, например:

12. И вот *я* утверждаю: человек и вообще любое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для какого бы то ни было использования той или иной волей... [2, S. 59].

Приведенные речевые акты обладают особой экспрессивностью, они обычно состоят из пропозициональной установки (*я* замечаю/утверждаю/полагаю, что...), которая указывает на

субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию, и пропозиции (диктума), вводимой обычно союзом *daß*.

Особо следует остановиться на речевых актах, оформляемых также с помощью имени «я», но имеющих референцию к автору как субъекту эмпирического мышления. Они носят, как правило, характер интроспекции, т.е. саморефлексии: автор ставит самого себя в положение наблюдаемого объекта. Данное субъектно-объектное отношение в аксиологическом дискурсе служит источником (инструментом) выработки субъектом правильной в морально-этическом отношении линии поведения, субъективных нравственных максим и т.д. Это своего рода экспериментальная этическая рефлексия субъекта. Например:

13. Между тем, чтобы ответить самому себе на вопрос, согласуется ли с долгом неправдивое обещание, кратким и в то же время не вызывающим сомнения образом, *я* должен спросить самого себя: буду ли *я* удовлетворен, если *моя* максима (с помощью неправдивого обещания выйти из затруднительного положения) станет всеобщим законом (как для меня, так и для других) и смогу ли *я* сказать себе: пусть каждый, кто находится в затруднительном положении, дает ложное обещание, если иначе он не может выйти из затруднения? Однако вскоре *я* замечу, что хотя *я* лгу, тем не менее не могу пожелать, чтобы это стало всеобщим законом, ибо... [2, S. 29f.].

В данном случае под именем «я» Кант имеет в виду не только себя, но и любого другого субъекта нравственного поведения; он передает слово себе, но не как носителю этической теории, а как эмпирическому субъекту нравственного поведения вообще.

О том, что это разные «я», свидетельствуют случаи, когда оба они «сталкиваются» в дискурсе в пределах одного сверхфразового единства. Например:

14. (1) Третье положение (как следствие из первых двух) *я* бы сформулировал так: долг есть необходимость совершения поступка из уважения к закону. (2) По отношению к объекту как результату задуманного мною поступка *я*, правда, могу иметь склонность, но уважение — никогда, именно потому, что... [2, S. 26].

В примере выше в пункте (1) под именем «я» Кант выступает как носитель своей теории, а в пункте (2) — как эмпирический субъект, производящий интроспекцию. Речевые акты этого субъекта обычно используются для доказательства, обоснования или иллюстрации теоретических положений, т.е. с функцией аргументации.

Речевые акты с референцией к «я-субъекту» имеют, как правило, субъективную значимость, хотя он и мыслится как обобщенный субъект. Но для того, чтобы придать выраженным в них положениям характер всеобщности, Кантом используется «мы-субъект». Например:

15. И вот если *мы* теперь сами при любом нарушении долга обратимся к самим себе, то найдем, что *мы* действительно не хотим, чтобы *наша* максима стала всеобщим законом, ибо это для *нас* невозможно, так что пусть скорее противоположное останется всеобщим законом... [2, S. 55].

Как следует из вышеприведенного примера, речевые акты от «мы-субъекта» используются с прагматической целью — придания аксиологическим формулировкам характер абсолютности и всеобщей значимости. С речевым субъектом «мы» Кант реализует принцип объективации, или, как он сам выражается, принцип «всеобщего голоса».

Иногда автор как теоретический субъект имеет имя «я», а как эмпирический субъект — имя «мы». Например:

16. (1) Из человеколюбия *я* соглашусь с тем, (2) что пока большинство *наших* поступков соответствует долгу [2, S. 35].

Здесь в пункте (1) автор выступает как носитель теории, а в пункте (2) — как всеобщий эмпирический субъект. Под именем «я» он производит речевой акт с уступительной модальностью, а под именем «мы» — суждение с пропозициональной модальностью, понижающей степень утвердительной модальности высказывания.

К эмпирическому «мы-субъекту» имеют обычно референцию и акты речи с риторической функцией, что придает аргументации более экспрессивную окраску. Например:

17. Ибо по какому праву *мы* должны были бы относиться с безграничным уважением к тому, что, быть может, имеет силу только для случайных условий бытия человечества, но что выступает в качестве всеобщего предписания для любого разумного существа, и каким бы образом могли считаться законы, определяющие *нашу* волю, законами, определяющими волю всех разумных существ вообще, и как таковые определяющие и нашу волю, если бы они были всего лишь эмпирическими и не были бы полностью априорными по своему происхождению из чистого, но практического разума? [2, S. 36].

О том, что данный речевой акт употреблен с аргументативной функцией, свидетельствует вводящее его «denn» (ибо), служащее, как правило, сигналом к переходу к аргументирующей речи.

Выше упоминалось о том, что для аксиологического дискурса в его отличии от дискурса когнитивного (с познавательной функцией) характерна прескрептивная, т.е. предписывающая, модальность. Особенно это имеет силу для аксиологических текстов Канта, изобилующих речевыми

актами с императивной модальностью. Отсюда вытекает основополагающая для этого типа текстов Канта роль «ты» («вы»)-субъекта и речевых актов с референцией к нему, т.е. к адресату непосредственно. Например:

18. Следовательно, категорический императив является одним-единственным, а именно: *поступай согласно такой максиме, посредством которой ты одновременно можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом* [2, S. 51].

Или:

19. ...Всеобщий императив долга мог бы быть также сформулирован следующим образом: *поступай так, как будто бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна стать всеобщим естественным законом* [2, S. 51].

В данных выше примерах сформулированы императивы нравственного поведения, имеющие в силу их содержания референцию к адресату, а вместе с ним и ко всем разумным существам, стремящимся к нравственному образу жизни и поведению. Подобные акты речи окрашивают весь аксиологический дискурс Канта, в отличие от его когнитивного дискурса, *императивной (прескриптивной) модальностью*.

Но максимальную степень обобщения автор достигает с переходом к имени «он», т.е. к «он-субъекту», который находится на прагматической оси дальше, чем «я (мы)-субъект» и «ты (вы)-субъект». Под этим субъектом у Канта фигурирует человек или вообще любое разумное существо, подпадающее под действие идеи свободы и автономии нравственных законов интеллигибельного мира. В этом случае «он-субъект» становится объектом рассуждения:

20. Как разумное, т.е. принадлежащее к интеллигибельному миру, существо, человек может мыслить причинность своей собственной воли всегда не иначе, как только исходя из идеи свободы; ибо... [2, S. 88].

Для речевых актов, подобных представленному выше, характерно употребление кванторов всеобщности типа *immer, jederzeit, niemals* и др., так что весь текст трактата «Основы метафизики нравственности» Канта как макроречевой акт имеет референцию к трансцендентальному «я-субъекту» со значением разумного нравственного существа вообще, или обладающего интеллигентностью (*Intelligenz*), т.е. являющегося интеллигибельным существом, подчиняющимся лишь таким законам, которые заложены в самом разуме и в принципе автономии (свободы) воли.

Этот трансцендентальный (или трансцендентный) субъект получает в тексте порой также имя «я», как в нижеследующем пассаже:

21. Ибо так как он [человек] сам себя как бы не создает и приходит к своим понятиям не а priori, а эмпирически, то естественно, что он получает сведения о самом себе посредством внутреннего чувства и, следовательно, лишь с помощью проявлений своей природы и того способа, каким аффицируется его сознание, то он должен с необходимостью помимо свойств своего собственного субъекта, состоящего сплошь из явлений, предполагать существование другого, лежащего в его основе, а именно своего «Я», такого, каким оно является в самом себе и, следовательно, причислять себя в том, что касается простого восприятия и способности к ощущениям к чувственному миру, а относительно того, что представляет собой чистую деятельность (того, что приводит в сознание не посредством аффицирования, а непосредственно) — к интеллектуальному миру, который ему, однако, недоступен для познания [2, S. 87].

Как следует из данной иллюстрации, личное местоимение «я» в аксиологическом дискурсе Канта многозначно. Помимо обсужденных выше значений оно выступает и как имя трансцендентного субъекта, т.е. всего человечества, к которому причастен человек как интеллигибельное существо.

«Он-субъект» помогает также автору текста показать различие между двумя видами долга: 1) долга по отношению к себе и 2) долга по отношению к другим людям. В этом случае речевые акты выполняют функцию *иллюстрации* и имеют референцию к эмпирическому «он-субъекту», например:

22. (1) Один человек, испытывающий под давлением целого ряда несчастий, число которых возрастает до безнадежности, отвращение к жизни, все еще обладает в достаточной степени разумом, чтобы спросить себя, не будет ли нарушением долга по отношению к самому себе лишать себя жизни?..

(2) Другой, гонимый нуждой, вынужден занимать деньги. Он хорошо знает, что не сможет вернуть долг... но у него все еще достаточно совести, чтобы спросить себя: не будет ли непозволительным и противным долгу выходить из нужды подобным образом?.. [2, S. 52].

Как следует из примеров, приведенных выше, эмпирический «он-субъект» и его речевые акты используются Кантом для формулировки субъективных максим поведения и последующего усмотрения их непригодности (или пригодности) служить всеобщими законами морального поведения, если они проходят (или не проходят) проверку всеобщим нравственным законом. Это достигается актом саморефлексии субъекта, для чего автор передает ему слово (как в примерах выше).

Интересно отметить, что Кант нередко строит с помощью разных эмпирических субъектов и их речевых актов свои рассуждения о категорических императивах. При этом рассуждение строится по модели категорического силлогизма. Например:

23. (1) Но *допустим*, что есть нечто, одно лишь существование чего имеет уже само по себе абсолютную ценность, что как цель сама по себе может быть основой определенных законов...

(2) И вот я утверждаю: человек и вообще любое разумное существо существует как цель сама по себе, а не просто как средство для чьего бы то ни было употребления...

(3) ...Следовательно, это является одновременно объективным принципом, из которого как высшего практического основания могут и должны быть выведены все законы воли... Следовательно, практический императив будет следующим: поступай так, чтобы *ты* как в *твоем* лице, так и в лице любого другого относился к человечеству всегда одновременно и как к цели и никогда просто как к средству... [AA, IV, 428].

Для построения данного текстового силлогизма автором используются речевые акты с референцией к следующим субъектам:

- большая посылка (1) – к «вы-субъекту» (адресату),
- малая посылка (2) – к автору как теоретическому «я-субъекту»,
- вывод (3) – к «ты-субъекту» и в его лице ко всем субъектам, т.е. людям вообще.

Итак, основным отличием аксиологического дискурса Канта от дискурса когнитивной направленности состоит в том, что в нем значительно возрастает удельный вес личных местоимений, выступающих именами различных речевых ролей автора текста. Это текст с гораздо большей степенью выраженности фактора адресата, что обуславливает появление таких речевых актов, которые не представлены в текстах Канта когнитивной тематики. Важным отличием является также ярко выраженная императивная модальность этого типа текста Канта.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1996.
2. Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // Kant I. Werkausgabe: in 12 Bde. / W. Weischedel (Hg). Bd. 7. Frankfurt/Main, 1974.
3. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft // Kant I. Werkausgabe: in 12 Bde. / W. Weischedel (Hg). Bd. 7. Frankfurt/Main, 1974.

Об авторе

Копцев Иван Демьянович – д-р филол. наук, проф. кафедры теории языка и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Российского государственного университета имени Иммануила Канта, kant@kantiana.ru

About author

Prof. Ivan Koptsev, Department of Language Theory and Cross-Cultural Communication, Faculty of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Immanuel Kant State University of Russia, kant@kantiana.ru